

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИМ

НАЙТИ «САТАНУ»

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Компьютерный дизайн обложки
Орловой Анастасии

Корецкий, Данил Аркадьевич.
К66 Найти «Сатану» / Данил Корецкий. —
Москва : Издательство АСТ, 2017. — 416 с. —
(Шпионы и все остальные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-101795-8

Дружба трех курсантов Академии ракетных войск совпала с событиями «холодной войны»: в строй вступает ракетная система «Периметр», обеспечивающая удар возмездия по возможному агрессору, международный договор требует ее ликвидации, но одна ракета — по западной классификации «Сатана» — оставлена нести боевое дежурство в автоматическом режиме. Цепочка случайностей и авиационная катастрофа вывели «Сатану» из-под контроля: люди, знающие о ее существовании, ушли из жизни, и о «засадной» ракете все забыли. Судьбы курсантов сложились по-разному, но главное, их дружба закончилась из-за ложного навета, а жизненные пути разошлись. И только через тридцать лет, когда нашли упавший в тайгу самолет с документацией, судьбы генерала, подполковника и бывшего капитана сплелись в трагический узел вокруг готовящейся к старту «Сатаны»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101795-8 © Корецкий Д.А., 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Часть первая

ПУЛЬС «МЕРТВОЙ РУКИ»

ГЛАВА 1

Проект «Периметр»

3 февраля 1978 года
Алтайский край

Заяц-беляк особенно активен ранним утром, в предрассветных сумерках, хотя зимой это не дает ему никаких преимуществ — сквозь ледяную корку не добраться даже до безвкусной, жухлой прошлогодней травы.

Заснеженная тайга озарилась розовыми лучами восходящего солнца. Белые вершины гигантских елей, окружающих большую поляну, заалели, словно свечи по краю белого праздничного торта. Но традиционных красно-желтых розочек и других кремовых украшений на поляне не было: только тени еще лежали на небольших сугробах, которые через несколько минут начнут искриться, словно сахарная пудра...

Впрочем, никакого отношения к еде это место не имело, и заяц, обгладывающий мерзлую кору толстой ели, не рассчитывал поживиться на этой, с виду самой обычной, лесной полянке каким-нибудь прошлогодним корешком или клочком сена. Ни кремом, ни сахаром здесь не пахло, иногда особо чувствительный нюх зайца или лисы улавливал запах металла, острый

химический дух горючего, смазки и других изделий человеческих рук, а следовательно, держаться от этого места следовало подальше, чтобы не нарваться на капкан. Поэтому звериных следов на поляне почти не видно.

Хотя капканов здесь как раз и не водилось! Колючая проволока вокруг действительно натянута, имелись датчики движения, сигнальные мины, система «Сетка-100», испепеляющая любое живое существо, которое приблизится к ограждению на пятьдесят сантиметров, даже крайне редкая вещь — автоматические пулеметы, и те ждали своего момента, а вот капкана не было! Хотя то, что здесь скрывалось, было гораздо страшнее любого капкана, даже медвежьего...

Но насчет близости людей чутье зверей не подводило: в двухстах метрах, в наружном КП¹ — заглубленном бункере из бетона и стали, толпились перед большим монитором, на котором кроме лесной поляны ничего и не видно, два старших офицера и двое гражданских, которые вообще-то были в части большой редкостью. Командир дивизии суровый генерал-майор Помазков, безымянный розовощекий полковник из штаба РВСН² и штатские сидели перед экраном, что выдавало их высокое положение. И действительно, тот, который постарше, дородный и седой, — это главный конструктор «Воеводы» Усов — Герой Соцтруда и лауреат всевозможных премий. На вид ему далеко за шестьдесят. Второй помоложе — в районе пятидесяти и не такой вальяжный: худой, сумрачный, глаза горят голодным блеском искателя признания, почестей и славы. Усов называет его Филиппычем.

¹ КП — командный пункт.

² РВСН — ракетные войска стратегического назначения.

За спинами высоких гостей, стоя, теснились местные офицеры: ответственный дежурный майор Пирогов, замполит капитан Рябоконе, начальник особого отдела майор Сизенко. Командир полка подполковник Ребров занял место за пультом связи.

— Майор Резник, доложите готовность! — приказал он в микрофон образца, наверное, еще пятидесятих годов — тяжелый и надежный, как и вся военная продукция того времени.

— Пусковой расчет к пуску готов! — глухо доложил с двадцатиметровой глубины старший «стреляющего расчета», сидящий в подвешенной на мощных пружинах и амортизирующих рычагах капсуле и способный выполнить свою работу даже после прямого ядерного удара. Правда, такой вывод базировался на теоретических расчетах — к счастью, на практике эту возможность никто не проверял.

— Пусковой расчет к пуску готов, товарищ генерал-майор! — продублировал доклад подполковник Ребров.

— Вне регламентная подготовка выполнена? — строго спросил тот.

Ребров звонко ударил себя по лбу.

— Сейчас выполним, товарищ генерал-майор!

Заяц не зря опасался невидимо присутствующих поблизости людей. Только что в утреннем лесу никого не было, и вдруг, как из-под земли, появился расхристаный солдатик, в сбитой на затылок шапке и незастегнутом тулупе. Он выбежал на середину площадки, наклонился и прямо на снегу, рукой в рукавице, написал метровыми буквами: «ТАНЯ». После чего так же быстро исчез.

— Что это было? — спросил второй штатский в крайнем недоумении.

— Это оберег такой, товарищ ученый, — пояснил Ребров. — Напишут его на изделии — пуск проходит штатно, не напишут — обязательно какая-то хрень приключится. Однажды даже «карандаш» на стартовом столе взорвался, восемьдесят человек погибли...

Филиппыч скептически усмехнулся.

— А кто такая эта Таня?

— По-разному говорят. Или красивая официантка в офицерской столовой, или вредный прапор Татьяна с прозвищем Таня... Неважно! Главное: напишешь — летит, не напишешь — кирдык...

— Суеверие, — тихо сказал Филиппыч, и бдительный замполит быстро закивал.

Но сидящие перед монитором глянули неодобрительно.

— На своем сотом пуске рассуждать будешь, Филиппыч, — резко сказал Усов. — А пока молчи и моли... — Он покосился на особиста, замполита и оборвал фразу. — Молчи, короче! Сейчас все станет ясно!

В КП наступила тревожная тишина, все замерли, будто статуи.

— Пуск! — скомандовал Ребров.

Заяц прятался за корневищем дерева и с любопытством наблюдал. Некоторое время ничего не происходило. И вдруг раздался скрип, снег с надписью «ТАНЯ» стал подниматься, потому что он находился на многотонной крышке ШПУ¹, которая медленно, но верно открылась и стала вертикально, обнажив темный зев, из которого исходил легкий, постепенно густеющий пар. Заяц встал на задние лапы, повёл в разные стороны ушами, жадно потянул носом морозный воздух, в котором теперь отчетливо пахло и капканами, и ядо-

¹ Шахтная пусковая установка.

химикатами, и еще чем-то очень опасным... Надо было уносить ноги, но любопытство пересиливало страх.

Под землёй мощно ухнуло — на сорокаметровой глубине сработали заряды пороховых аккумуляторов давления. Заяц крупными прыжками поскакал прочь — любопытство любопытством, но шкура-то дороже!

Из черного жерла появился густой дым и отблески огня, затем медленно выглянула огромная затупленная голова подземного чудовища. Вроде как огляделась и пошла дальше, легко и быстро потянулась вверх длинным и толстым черным туловищем, вылетела из шахты, следом вырвалось желтое пороховое пламя, как напутственный поцелуй ада, и тут же включились двигатели первой ступени — вот это уже был гром так гром — не то что заяц, а все зверье в округе позабывалось в норы, берлоги и под корневища.

А ракета уже рвала небо, стремительно набирая скорость. Американский разведывательный спутник «Лакросс» зафиксировал объявленный учебно-боевой пуск МБР¹ на территории СССР. Перепуганное зверье постепенно приходило в себя. «Р 36М» — самая мощная ракета в мире, способная нести десять ядерных боеголовок индивидуального наведения и сорок холостых, для создания ложных целей, покрытая теплозащитным слоем тёмного цвета, позволяющим преодолевать пылевое облако после ядерного взрыва, — стремительно понеслась ввысь, словно чёрная молния в лучах восходящего солнца. Недаром по классификации НАТО ее называли «Сатаной».

Хотя все шло штатно, в бункере особого оживления не наблюдалось. Конечно, настоящая радость

¹ Межконтинентальная баллистическая ракета.

начинается, когда головная часть попадет в цель, но обычно, при хорошем начале, обстановка на КП сразу разряжается, на лицах появляются улыбки, звучат шутки, какие-то байки... А сейчас и генерал Помазков, и генеральный конструктор Усов, а особенно Филиппыч сидели как на иголках, как будто главное испытание им еще предстояло и в его успехе они не были уверены.

«Карандаш» уже лег на боевой курс, когда в Ужурской ракетной дивизии с интервалом в четыре минуты стартовала вторая «Сатана». Это тоже был заявленный пуск, и он тоже был зафиксирован «Лакроссом».

Информация, полученная от американского спутника и подтвержденная сейсмологическими станциями, пошла по цепочке, регистрируясь в десятках журналов и компьютерных программ. Она обрывалась на уровне оперативных дежурных и руководителей смен, не поднимая из постелей только что уснувших руководителей Пентагона и Белого дома: плановые пуски — обычное дело, не о чем тревожиться...

Но на самом деле это были не обычные разрозненные пуски в Алтайской и Ужурской дивизии. Это было конечное экспериментальное испытание совершенно новой системы, и оно, конечно же, давало руководителям США основания для тревоги. Но они об этом не знали.

* * *

Даже в Алтайской дивизии, и даже в сердце пуска — в бетонном КП, про суть происходящего знали не все. Для большинства — это плановый ежегодный пуск, и только присутствие генерального конструктора и его коллеги вызывало некоторые вопросы. Но и

это не является чем-то из ряда вон выходящим — конструкторы иногда присутствуют на пусках, чтобы лично убедиться, как ведут себя их «изделия» в войсках.

— Товарищ конструктор, вас «Камертон» на связь запрашивает! — буднично сообщил подполковник Ребров.

«Камертон» — позывной командного пункта Ужур, и там дежурил заместитель генерального конструктора. Усов вздрогнул и быстро схватил тяжелую трубку специальной связи.

— Поздравляю, Владимир Фёдорович! «Изделие» ушло в соответствии с расчетами. — Голос заместителя был изменён аппаратурой ЗАС¹, но в нем отчетливо чувствовалась радость.

— Роль «стреляющей смены»? — отрывисто уточнил Усов.

— Вообще никакой! Они в этот момент даже за пультом не сидели!

— Ну что ж, поздравляю!

Усов пристегнул трубку к аппарату и на вопрошающие взгляды ответил всем сразу:

— Головное изделие подняло ожидающее! Оба идут на цель!

Помазков улыбнулся. На его всегда каменном лице улыбка выглядела непривычно.

— Можно считать, что система работает?

— Дождемся вестей с Куры, — Усов похлопал своего молодого спутника по плечу. — Тогда Филиппыч получит все пряники: и Звезду Героя, и лауреатство, и все остальное...

Филиппыч блаженно улыбался. Голодный блеск в глазах погас.

¹ ЗАС — засекречивающая аппаратура связи.

Через двадцать минут поступило сообщение с камчатского полигона Кура: зафиксировано попадание головных частей обеих ракет в заданный квадрат!

— Теперь можно сказать, что система работает! — торжественно объявил Усов. — Представляю вам руководителя проекта «Периметр» Головлева Александра Филиппыча! Конечно, по телевизору его не покажут и в газетах портрет не напечатают, но в историю ракетно-ядерного щита он вошел навеки! Поздравляю, Александр Филиппович!

Все по очереди обняли конструктора. От его мрачности не осталось и следа, худощавое лицо радостно лучилось. Помазков позвонил главнокомандующему РВСН Толстуну, звонко доложил об успехе, почтительно выслушал ответ.

— Есть, товарищ генерал-полковник! Служу Советскому Союзу!

— Через пять минут доложат Самому! — сказал он. — Все причастные будут представлены к государственным наградам!

Он крепко сжал руку Головлева.

— Началась новая эра! Если противник первым ударит и уничтожит все командные пункты и штабы управления, «Периметр» нанесет ответный удар даже без участия людей!

— Так это и есть «Периметр»? — восторженно спросил майор Пирогов. Как выяснилось, ответственный дежурный был единственным не посвященным в таинство сегодняшнего пуска. — А как же он работает?

Особист Сизенко снисходительно похлопал коллегу по плечу.

— Очень просто! Первой стартует командная ракета, которая дает сигнал и поднимает все остальные!

Зайдешь потом, распишешься в журнале о неразглашении...

Генерал Помазков многозначительно поднял палец:

— Вы вдумайтесь: одна «Р 36М» способна полностью уничтожить штаты Вермонт, Мэриленд и Род-Айленд! А тут вся армада пойдет на супостата! Все, началась новая эра!

Генерал, потирая руки, прохаживался по тесному помещению командного пункта. Его распирала чувства победителя.

— Знаешь, Ребров, как американцы назвали нашу систему?

— Никак нет, товарищ генерал-майор! — вытянулся подполковник.

— «Мертвая рука»! По-моему, очень красноречиво...

— Тогда сегодня забился пульс «Мертвой руки», — сказал Александр Филиппович Головлев и улыбнулся. Он заметил, что относиться к нему все стали уважительно и уже никто не называл просто по отчеству.

4 июня 1979 года
Москва

На станции метро «Площадь Ногина» было, как всегда, людно. Три курсанта спускались по лестнице, не без удовольствия вдыхая прохладный воздух с неповторимым запахом московской подземки. Двум из них он был хорошо знаком: Серёга Веселов был коренным москвичом, Георгий Балаганский, помотавшись с отцом по гарнизонам, уже пять лет жил в столице. Высокие, спортивные, с открытыми лицами,

они были похожи друг на друга и потому, наверное, подружились еще на первом курсе. На втором курсе к ним как-то незаметно прибился Мишка Дыгай — коренастый, широкоплечий, неуклюжий — хотя последняя черта, возможно, объяснялась тем, что он был родом из никому не известного Вотинска, по неизвестно кем выработанной классификации относился к второсортному племени провинциалов и смущался этого, а потому вел себя неуклюже.

Все трое, как, впрочем, и остальные курсанты, тщательно готовились к увольнению. Начищенные полировочной пастой бляхи и пуговицы кителей сияли так, что, казалось, все вокруг должны обращать на них внимание. Ведь из замкнутого мирка академии, где все были единообразно-одинаковыми, они вырвались в большой мир, где явно и наглядно отличались от остальных. Но большинство прохожих абсолютно не интересовали ни их сверкающая фурнитура, ни начищенные до блеска хромовые сапоги, ни погоны с твёрдыми вставками и скрещенными орудийными стволами... Лишь девушки иногда задерживали взгляды на бравой тройце, но они точно так же смотрели и на гражданских молодых людей.

— Ну что, может, ко мне домой махнём? — спросил Веселов.

— И что мы там будем делать, книжки читать? — ухмыльнулся Дыгай. — У папы, наверное, много книг?

— Да, две комнаты заставлены полками, — кивнул Сергей. — Но не в них дело. Мама яичницы нажарит с колбасой, поедим домашнего...

— Не стоит домой забиваться, — покачал головой Мишка. — Давай куда-нибудь на люди! Девчонок склеим, поедим в какой-нибудь кафешке...

— Может, тогда в парк Горького поедем? — предложил Сергей. — Там сейчас девчонок полно будет... И шашлычная с чебуречной, и ресторан...

— Поехали! — поддержал Мишка. — Я там ещё и не был ни разу.

— Ну, в парк так в парк, — согласился Георгий.

Веселов не ошибся: девушек в парке Горького оказалось много. Некоторые с родителями или с парнями, большинство без присмотра: они гуляли по тенистым аллеям парами, тройками, реже — группами побольше. И ясно было, что сюда они пришли не просто подышать свежим воздухом в центре суетной Москвы, а, скорей всего, завести приятное знакомство и найти себе кавалера, а может, и спутника жизни. Но несколько подходов закончились неудачно: потенциальных кавалеров мягко, но непреклонно отшили. За полтора часа толкотни на переполненных народом аллеях никого склеить тройке курсантов не удалось: они только вспотели и проголодались.

— Что-то день сегодня неудачный, — выразил мнение Мишка.

Именно он играл главную роль в атаках на слабый пол, и неудачи можно было в значительной степени отнести на его счет.

— Как-то ты грубовато цеплялся, — поморщился Сергей. — Надо тоньше, вежливей...

— Это как? — округлил глаза Мишка. У него была простецкая внешность, асимметричное лицо и большой рот, который сейчас перекосялся, усиливая эту асимметрию.

— Анекдот рассказать? — Сергей знал огромное количество анекдотов на все случаи жизни.

— Ну, расскажи, — кивнул Мишка. Рот у него выровнялся, и асимметрия уменьшилась.

— Грузин приехал в Москву, пришел в парк и давай хватать девушек за руки: «Слушай, красавиц, пойдем в постель!» Те с писком вырываются, кричат: «Дурак!» и убегают. Его московский друг говорит: «Не так, Гоги! Вначале про звезды поговори, про книги любовные — Мопассана, Золя... А когда познакомитесь, оно само собой всё и получится. Понял?» Тот кивает: «Понял!» Подбегает к девушке, хватает за руку: «Красавиц, звезды видишь? Мопассана читал? Пойдем в постель!» Вот так и ты...

— Да это я просто не в форме. — В Мишке взвырвал комплекс провинциала. — Жарко, и жрать охота!

Он снял фуражку и вытер вспотевший лоб.

— А вот, смотрите, хорошие девушки. — Георгий проводил взглядом двух подружек. — Особенно та, слева, рыженькая...

— Давай сделаем перерыв, подкрепиться надо, — сказал Дыгай.

— У тебя одно на уме!

— Такой уж я — простой парень из деревни! — со скрытой обидой произнес Мишка.

— Хватит ссориться! — вмешался Веселов. — Пойдем, поедем, знаю я одно место...

«Одно место» оказалось чебуречной на окраинной аллее. Она была наполовину пустой, и курсанты облюбовали столик на тенистой веранде. За прилавком стояла располневшая дама средних лет со следами былой красоты на обильно напудренном лице.

Георгий взял тарелку со стопкой золотистых поджаристых чебуреков, Сергей — глубокую тарелку с овощным салатом, а Мишка неожиданно заказал пива. Его товарищи переглянулись, но возражать не стали, а бывшая красавица равнодушно повернула блестящую ручку крана и наполнила три кружки желтоватым, слабо пенящимся напитком.

Уютно устроившись в углу веранды, ребята сняли фуражки, повесили на стулья кители, отстегнули галстуки, расстегнули рубашки, и жадно набросились на чебуреки, с удовольствием запивая их холодным пивом.

— А жизнь налаживается! — оживленно подмигнул Мишка и поднял свою кружку. У него была широкая ладонь и короткие толстые пальцы.

— Давайте за нас! Пусть будет как в кино: «Один за всех, и все за одного!»

— Давайте, — Сергей беспокойно огляделся. — Как бы нас патруль не накрыл...

— А-а-а, — беспечно махнул рукой Мишка. — Если накроет, то и без пива за нарушение формы отдерет и увольнительные аннулирует! И потом, помнишь поговорку: «Кто не пьёт — тот стучит!»

От сидящих за столиком неподалеку мужчин подошел один — лет тридцати, в синей рубашке и коричневых брюках.

— Это вам, ребята, от нашей компании, — он поставил на стол блюдо с несколькими кусочками вяленой рыбы. — Счастливой службы!

— Спасибо! — растроганно поблагодарил Георгий.

— Видишь, нас уважают! — выпятил грудь Дыгай. — Надо еще пива взять!

— Нет, хватит, — сказал Сергей.

Он занимался боксом и избегал спиртного. Так же, как и Георгий, который тоже ходил в ту же секцию. Впрочем, и Дыгай увлекался борьбой, но его ничего не смущало.

— Как хотите. А я добавлю.

Но к прилавку уже выстроилась очередь, и он вернулся ни с чем.

— Что-то меня спать потянуло, — сказал Балаганский.